

Е. Будде

К истории великорусских говоров

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Е11

Е11 **Е. Будде**
К истории великорусских говоров / Е. Будде – М.: Книга по Требованию, 2021. – 382 с.

ISBN 978-5-4241-6952-6

Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии.

ISBN 978-5-4241-6952-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе.

Предлагаемый трудъ является результатомъ продолжительныхъ занятій въ области русской діалектологіи. Главнымъ матеріаломъ для этого труда послужилъ матеріалъ, собранный мною въ непосредственныхъ бесѣдахъ съ крестьянами Спасскаго и Касимовскаго уѣздовъ Рязанской губерніи, куда я былъ командированъ Историко-филологическимъ Факультетомъ Императорскаго Казанскаго Университета лѣтомъ 1894 года (см. Отчетъ о командировкѣ въ „Ученыхъ Запискахъ“ Каз. Университета. Январь. 1895. Также Отдѣльн. оттискъ). Поэтому прежде всего считаю долгомъ здѣсь выразить свою признательность Факультету за доставленную мнѣ возможность на мѣстѣ добыть и изучить совершенно новый матеріалъ. Этотъ новый матеріалъ цѣликомъ вошелъ въ I-ую часть настоящаго труда, представляющую возможно полное описаніе неизвѣстнаго донинѣ говора; II-ую часть моего труда составляетъ подробное сличеніе, описаннаго мною въ I-й части, говора съ другими русскими говорами древними и современными; наконецъ, III-ья часть, самая небольшая по объему, представляетъ выводы изъ первыхъ двухъ частей. Въ „Заключеніи“ высказано нѣсколько соображеній изъ исторіи описаннаго мною говора.

Самое дѣятельное участіе въ моемъ трудѣ принималъ дорогой и глубокоуважаемый А. А. Шахматовъ, которому и

приношу здѣсь душевную благодарность за содѣйствіе и со-
вѣты, затѣмъ считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить бла-
годарность А. Ѳ. Бычкову, Ф. Ѳ. Фортунатову и Р. Ѳ. Брандту,
оказывавшимъ мнѣ самое разнообразное содѣйствіе, а также
И. А. Бычкову, хранителю рукописей Императорской Публич-
ной Библіотеки.

Евг. Будде.

Казань. 1896 г.
3 марта.

Къ Исторіи великорусскихъ говоровъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Съ научной разработкой современныхъ намъ русскихъ нарѣчій и говоровъ связаны наши представленія о древнѣйшихъ эпохахъ русскаго языка, связаны наши свѣдѣнія о звуковомъ и формальномъ составѣ русскаго праязыка. Точное знакомство съ живыми русскими нарѣчіями и говорами, составленное на основаніи научнаго ихъ описанія, изслѣдованія и, по возможности, личнаго наблюденія должно быть исходною точкой при нашихъ заключеніяхъ о русскомъ языкѣ прошедшихъ вѣковъ. Поразительное разнообразіе звуковыхъ оттѣнковъ изъ области гласныхъ или согласныхъ въ произношеніи лицъ, принадлежащихъ разнымъ говорамъ, должно быть принято во вниманіе при научныхъ построеніяхъ и гипотезахъ о системахъ звуковъ русскаго языка тѣхъ эпохъ, которыя недоступны нашему непосредственному наблюденію. Наши представленія о звукахъ русскаго языка до послѣдняго времени были въ значительной степени обусловлены привычнымъ видомъ ареографическихъ начертаній и свѣдѣніями о старо-славянскомъ языкѣ по рукописямъ, давшими въ свою очередь начало тѣмъ звуковымъ представленіямъ, которымъ часто не находилось соотвѣтствія въ дѣйствительности, въ средѣ живыхъ звуковъ русскаго языка. Новѣйшій поворотъ въ направленіи языкознанія вообще, и русскаго языкознанія въ частности, занятія современной диалектологіей русскаго языка и перемѣна въ точкѣ отправ-

ленія при изученіи лингвистическихъ явленій, именно, — опредѣленіе неизвѣстнаго, искомаго, при посредствѣ или изъ извѣстнаго, найденнаго и опредѣленнаго, — все это внесло уже въ современную русскую лингвистику несомнѣнныя достоинства: критическую оцѣнку старыхъ положеній, уничтоженіе оказавшихся невѣрными и построение новыхъ положеній на основаніи болѣе доказательныхъ и убѣдительныхъ данныхъ

Въ связи съ новымъ изученіемъ русскаго языка на живыхъ говорахъ стоитъ и чтеніе и пониманіе древнихъ русскихъ рукописей: древняя орфографія во многихъ случаяхъ получила понятный смыслъ, перестала казаться въ очень многихъ случаяхъ прихотью, капризомъ или бессмысленнымъ мудрствованіемъ полуграмотнаго писца, малограмотному человѣку не отказывается болѣе въ естественномъ и часто единственно возможномъ для него изображеніи на письмѣ тѣхъ звуковъ, которые онъ самъ употреблялъ или употребляетъ въ своемъ произношеніи, допускается сознательная цѣль и сознательное отношеніе у древнихъ русскихъ книжниковъ къ своей орфографіи, замѣчается стремленіе проникнуть въ мыслительный процессъ древняго писца при постановкѣ имъ той или другой буквы въ его рукописи, — словомъ, изученіе современной дѣйствительности, даже наиболѣе мелкихъ проявленій ея, начиная отъ малограмотныхъ написавій и кончая крупнѣйшими явленіями въ области народной рѣчи и мысли, начинаетъ разсѣивать туманъ въ нашихъ представленіяхъ о нашемъ языкѣ — народѣ, начинаетъ вносить яркій свѣтъ въ наше самосознаніе.... Я не буду называть именъ тѣхъ ученыхъ, съ дѣятельностью которыхъ связаны успѣхи нашей науки въ вышесказанномъ смыслѣ: имена этихъ ученыхъ извѣстны всякому лингвисту; скажу только, что въ этихъ-же успѣхахъ русской науки и я почерпнулъ для себя новыя силы, новыя надежды и желаніе продолжать изслѣдованіе живыхъ русскихъ говоровъ. Я выбралъ для себя на этотъ разъ одинъ небольшой уголокъ, гдѣ слышится русская рѣчь, и думаю, что я не ошибся, ограничивая свое изслѣдованіе областью русскаго говора на небольшомъ пространствѣ громадной русской территоріи. При выборѣ темы, помимо общаго интереса къ изысканіямъ въ области діалектологіи русскаго языка, мною руководило глубокое убѣжденіе въ томъ, что описаніе и изслѣдованіе всякаго народнаго говора рано или поздно должно быть принято во вниманіе при построеніи

общей исторіи русскаго языка, должно отразиться извѣстнымъ образомъ на нашихъ выводахъ о русскомъ праязыкѣ, объ историческомъ развитіи дѣйствующихъ въ нашемъ языкѣ законовъ.

Повойный И. И. Срезневскій завѣщалъ много задачъ будущимъ историкамъ русскаго языка въ своемъ извѣстномъ трудѣ: „Мысли объ исторіи русскаго языка“; эти задачи составляютъ насущную потребность науки о русскомъ языкѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Срезневскій высказалъ свои мысли, прошло почти полвѣка, но и по сіе время далеко не всѣ эти задачи выполнены, а къ выполненію многихъ изъ нихъ даже еще и не приступали; и это—естественно, понятно: область задачъ и занятій такъ широка, что нѣтъ возможности охватить ихъ въ короткое время, и значеніе отдѣльныхъ трудовъ и монографій по частнымъ вопросамъ можетъ быть незамѣтнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не считаться съ мыслями Срезневскаго, нельзя не видѣть всей ихъ важности и справедливости, когда читаешь: „Для того, чтобы матеріалы для исторіи русскаго языка были приготовлены вполнѣ, нужно многое.... По каждому изъ нарѣчій русскихъ и ихъ мѣстныхъ отбѣнковъ должны быть составлены отдѣльно словари и сборники образцовъ изъ пѣсенъ, пословицъ, сказокъ, разговоровъ и т. п. и для cadaго отдѣльно особенная грамматика съ разборомъ памятниковъ народной словесности въ отношеніи къ слогу, мѣрѣ, формамъ изложенія и содержанія. Развитіе языка въ мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ должно быть изслѣдовано въ частныхъ монографіяхъ такъ же отчетливо, какъ и развитіе языка повременное по памятникамъ, оставшимся отъ разныхъ вѣковъ“¹⁾. Такимъ образомъ, для своей работы я выбралъ за-Овскій край (смотря съ юга) нынѣшней Рязанской губерніи.

Именно, этотъ край обратилъ на себя мое вниманіе по многимъ причинамъ: 1) мнѣ хотѣлось лично познакомиться со всѣми говорами въ нынѣшней Рязанской губерніи, какъ съ говорами, совершенно не изслѣдованными, и такимъ образомъ дополнить свой трудъ: „Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій“ (В. 1892), гдѣ изслѣдована по преимуществу южная часть нынѣшней Рязанской губерніи въ діалектологическомъ

¹⁾ Срезневскій. Мысли объ исторіи рус. языка. 1887. Спб. Стр. 98—99.

отношеніи, т. е. та часть, которая лежитъ къ югу отъ Оби. Само собой разумѣется, меня интересовали въ данномъ случаѣ вопросы, не составляетъ-ли Оба естественной границы говоровъ, не приближается-ли говоръ этого края въ говору смежному Владимірскому, нельзя-ли составить себѣ нѣкоторое понятіе о говорѣ старой Муромо-Рязанской земли, могъ-ли быть и говоръ Муромо-Рязанскій ¹⁾.... На такіе вопросы меня наводили тѣ звуковыя особенности въ говорѣ за-Окского края, съ которыми я сталъ впервые знакомиться по сообщеніямъ мѣстныхъ уроженцевъ и жителей, когда составлялъ свой первый трудъ по діалектологіи, живя на югѣ Рязанской губерніи. 2) На магистерскомъ диспутѣ моемъ проф. В. Θ. Миллеръ обратилъ мое вниманіе на говоръ Касимовскаго уѣзда, поскольку этотъ говоръ обнаруживался и выдѣлялся въ моей диссертациі. Наконецъ, 3) и критика отмѣтила по моей работѣ особенности говора на сѣверѣ Рязанской губерніи. Эти особенности прежде мнѣ самому не были извѣстны вполнѣ, а теперь я лично съ ними познакомился. Я сосредоточилъ свои занятія въ Спасскомъ и Касимовскомъ уѣздахъ Рязанской губерніи. Оказалось, что чѣмъ далѣе углублялся я на сѣверо-востокъ, тѣмъ разница въ говорѣ сравнительно съ южной половиной Ряз. губерніи становилась рѣзче и интереснѣе, а потому я и объѣхалъ весь сѣверо-восточный уголъ Рязанской губерніи. Въ Спасскомъ уѣздѣ я записывалъ говоръ крестьянъ (почти исключительно женщинъ) изъ слѣдующихъ сель и деревень: с. Санскде, с. Гавриловское, д. Жолобова Слобода, с. Новый Киструсь, д. Деревенское, с. Ижевское, с. Вѣжелѣсь (произн. Вѣжлись), д. Воскресенское.

Въ Касимовскомъ уѣздѣ—изъ слѣдующихъ сель и деревень: с. Нармушадъ, с. Ерахтуръ, д. Борки, с. Шостья, с. Чинуръ, с. Антоново, Лѣсново, Ярыгино, Брѣво, Ломъ, Жданово, Селище, Дмитріево, Лощина, Данево, г. Касимовъ, Уланова Гора, Гусевской Заводъ, Гусевской Погостъ, Бѣльково, Забѣлино, Урадино, с. Китово, д. Китово, Акулово, с. Чарусъ, Ивановское, с. Ветчаны (Истомино), Курша, Борисково, Малахово, Андроново, Катово, Логино, Рогачево, Горы, Чуфилово, Бычково (с. Черкасво), Зубово, Расторгуево, Семейно,

---

¹⁾ См. мой «Отчетъ» о командировкѣ въ Ряз. губернію. Казань. 1895. Изъ «Ученыхъ Записокъ» Каз. Унив.).

Снохино, Кабаново, Меркулово, Симоново (Тумскій край), с. Тума; д. Оськино, Ахматово, с. Давыдово, д. Праватарово, с. Шаранина, Агѣво, Агулово (другое), Амляшовскіе выселки, Наумцево, д. Жалудково, Немнясево, Норино, Анисово, Малышкино, с. Парахино, Фомино, Залѣсье, Астафѣво, Велькова, Алексѣево, Ужицево, Мягково, Волчково, Ламакино, Бѣлясево. Или по волостямъ: Ерахтурская волость, Шдстинская, Дмитриевская, Погостинская, Китовская, Ветчанская, Тумская, Давыдовская, Парахинская, Алексѣевская, Ламаинская.

Въ описаніи изслѣдуемаго говора я буду держаться обыкновеннаго порядка изложенія: сперва опишу звуки этихъ говоровъ, что составитъ первый томъ—фонетику; затѣмъ обращусь къ формальному составу, что составитъ второй томъ труда—морфологию. Главное вниманіе я обращаю на фонетику, и въ ней—на нѣкоторые отдѣлы ея въ области гласныхъ и согласныхъ звуковъ; при этомъ я займусь особенно тѣми отдѣлами, по которымъ собранный мною матеріалъ представляетъ новыя данныя для исторіи великорусскаго нарѣчія; согласнымъ звукамъ я удѣляю въ своемъ трудѣ болѣе видное мѣсто и рассматриваю ихъ съ болѣею подробностью, чѣмъ это обыкновенно дѣлается. Такой планъ моей работы обусловленъ содержаніемъ собраннаго матеріала, который представляетъ многоцѣнный и новыя для исторіи согласныхъ звуковъ русскаго языка; не могу не замѣтить при этомъ, что въ большинствѣ научныхъ изслѣдованій по русскому языку до сихъ поръ какъ-то гораздо подробнѣе изслѣдователи останавливались на гласныхъ звукахъ, чѣмъ на согласныхъ, что, конечно, обуславливалось отчасти и недостаточнымъ нашимъ знакомствомъ съ русскими живыми говорами. Какъ бы-то ни было, гласнымъ звукамъ болѣе удѣлено вниманія въ ученой литературѣ по русскому языку, чѣмъ согласнымъ. Такъ какъ изслѣдуемые мною говоры, говоры нынѣшней Рязанской губерніи, вообще относятся къ говорамъ южно-великорусскаго поднарѣчія, то, естественно, прежде всего мнѣ оказалось необходимымъ познакомиться въ подробностяхъ съ ближайшими, сосѣдними говорами, принадлежащими къ тому-же поднарѣчію. Но здѣсь представились для меня непреодолимые препятствія въ рѣшеніи многихъ интересовавшихъ меня вопросовъ; эти препятствія заключаются въ томъ, что вообще южно-великорусскіе говоры

крайне мало изслѣдованы, почти даже не описаны, и потому многіе говоры южно-великорусскаго поднарѣчія остаются для насъ почти неизвѣстными, по крайней мѣрѣ, въ подробностяхъ. Нѣсколько иначе дѣло обстоитъ съ говорами сѣверно-великорусскаго поднарѣчія: они болѣе подробно описаны, по нимъ издано гораздо больше матеріаловъ, литература ихъ гораздо богаче. Интересуясь судьбой согласныхъ звуковъ въ той части русскаго языка, которая нынѣ составляетъ южно-великорусское его поднарѣчіе, я пожелалъ познакомиться обстоятельно съ тѣмъ, что намъ извѣстно изъ литературы предмета относительно произношенія согласныхъ въ современныхъ южно-великорусскихъ говорахъ. Съ 1892 года мы имѣемъ для подобныхъ цѣлей прекрасно составленную работу А. И. Соболевскаго: „Очеркъ русской діалектологіи“, служащую незамѣнимымъ справочнымъ сочиненіемъ, такъ какъ въ этомъ своемъ трудѣ авторъ воспользовался, кажется, всѣмъ печатнымъ матеріаломъ по народнымъ русскимъ говорамъ, матеріаломъ, разбросаннымъ ранѣе по разнымъ изданіямъ статистическихъ комитетовъ, не сгруппированнымъ и потому недоступнымъ для параллельнаго обозрѣнія. Послѣ этого труда мы можемъ почти не справляться со старымъ трудомъ Даля („О нарѣчіяхъ русскаго языка“ 1852 г.), такъ какъ матеріалы послѣдняго вошли и въ „Очеркъ“ Соболевскаго, хотя и не надо забывать при пользованіи тѣмъ и другимъ трудомъ, что Даль говоритъ о звукахъ въ большинствѣ случаевъ по собственному слуху, а Соболевскій—по печатнымъ изданіямъ матеріаловъ. Оказывается, что говоры смежныхъ съ Рязанской губерніей извѣстны намъ чуть-ли не менѣе всѣхъ остальныхъ: „о говорахъ Калужской губерніи мы имѣемъ крайне мало свѣдѣній“¹⁾: нѣсколько отдѣльныхъ чертъ говора въ Мосальскомъ уѣздѣ да одна черта говора въ Жиздринскомъ уѣздѣ, въ частности, по отношенію къ согласнымъ звукамъ намъ извѣстны: мягкость *ж* и твердость двойного *ш* въ Мосальскомъ уѣздѣ²⁾. Почти

¹⁾ Соболевскій. Очеркъ р. діалектологіи. Жив. Стар. 1892. Вып. I. Стр. 15.

²⁾ Соболевскій. Ib. 15. Сравни однако у Даля (О нарѣчіяхъ. LXIII. При Словарѣ 1880 г.): *чоканье* въ Боровскѣ, *чваканье* въ Медвни, нечистое *ч*, *и*—въ Бѣлевскомъ, *«здія»*, *путанье* звуковъ *ж*, *ф*, *жв*, *кв*; *г*=*г* въ Малоярославцѣ, *ф*=*жв*, *зля* (для)—въ Жиздрѣ; *чаю*=*чего*—*ів*.

такую-же скудостью отличаются наши свѣдѣнія о говорахъ Тульской губерніи, въ особенности—о говорахъ Новосильскаго и Бѣлевскаго уѣздовъ¹⁾: о согласныхъ мы знаемъ, что *n* и *ɸ* въ концѣ слова могутъ быть мягкими (около Тулы), *ɨ* = *ʏ*, *xv* = *ɸ*, *ɸ* = *x*, *xɸ*; *ɨ*, *к*, *х* въ формахъ дат. и мѣстн. пад. могутъ переходить въ свистящіе соотвѣтствующіе звуки. Изъ говоровъ Орловской губерніи мы имѣемъ, оказывается, также немного свѣдѣній о говорахъ только трехъ уѣздовъ²⁾; о согласныхъ мы знаемъ: мягкое *к* (Елецкій уѣздъ), двойное твердое *ш* (Елец., Ливенскій уу.), мягкое *л*, близкое къ франц. *l* (Елецк. у.)³⁾.

„Съ говорами Курской губерніи мы сравнительно хорошо знакомы“⁴⁾, благодаря, конечно, записямъ Халавскаго въ Щигровскомъ и Путивльскомъ уѣздахъ; по вопросу о согласныхъ звукахъ намъ извѣстно въ этихъ говорахъ слѣдующее: конечное *n* обыкновенно твердо, вмѣсто конечнаго *ɸ*—твердое *в*, *ɨ* = *ʏ*, *ɸ* = *x* и *xv*, дат. и мѣстн. падежи иногда съ древними свистящими вмѣсто мягкихъ *ɨ*, *к*, *х* (Щигров. у.); спорадически согласные звонкіе вм. глухихъ: дорджка (Бѣлгород. у.); двойные *л*, *н*, *д* и др. вм. *ль*, *нь*, *дь*, звонкіе въ концѣ и серединѣ словъ, *в* вм. *л* въ формахъ прош. времени (Путивл. у.). Почти вездѣ *ɨ* = *ʏ* въ окончаніи—*го*: въ Старооскольскомъ, Обоянскомъ, Суджанскомъ, Новооскольскомъ, Путивльскомъ уѣздахъ⁵⁾. О говорахъ Рязанской губерніи Соболевскій въ 1892 году сказалъ: „Несомнѣнно, эти говоры—сильно акающіе (даже сѣверные)“⁶⁾. Теперь, послѣ того какъ я познакомился лично съ говорами Спасскаго и Касимовскаго уѣздовъ, это мнѣніе придется измѣнить и Соболевскому, и мнѣ (я въ своей первой работѣ о рязанскихъ говорахъ полагалъ также на основаніи сообщеній другихъ лицъ, что и на сѣверѣ Ряз. губерніи *аканье* такое-же, какъ на югѣ): говоръ Спасскаго и Касимов-

¹⁾ Соболевскій. Ib. Стр. 16. Срв. у Даля ib.: *вошпиталь*, *ɨ*=*ʏ*—Кашира.

²⁾ Соболевскій. Ib. Стр. 16.

³⁾ Сравни у Даля ib.: *мѣна х* и *ɸ*; мягкое *к* въ Мценскѣ. Стр. LXIV. «Мценскъ»—я самъ слышалъ.

⁴⁾ Соболевскій. Ib. 17 и слѣд.

⁵⁾ Сравни у Даля ib. LXIV еще: *ш*=двойное *ш*, *в*=*ч*, мягкое *к*, *тѣтъ*, *злѣмчукъ*.

⁶⁾ Соболевскій. Ib. 18.

скаго уѣздовъ (въ особенности послѣдняго) по *ажанью* отличается отъ южныхъ говоровъ, какъ увидимъ далѣе, и скорѣе подходитъ въ Касимовскомъ уѣздѣ къ умѣренно-ажающимъ говорамъ. Согласные звуки въ говорахъ южныхъ уѣздовъ Ряз. губерніи описаны раньше мною ¹⁾, а согласные въ говорахъ Спасскаго и Касимовскаго уѣздовъ будутъ описаны въ этомъ трудѣ.

Наши свѣдѣнія о говорахъ Тамбовской губерніи также небогаты ²⁾: намъ извѣстно о согласныхъ только мягкость *ж* (въ Кадомскомъ и частью въ Липецкомъ у.), звукъ *у* въ окончаніи—*ю* (Кадом. у.), твердость двойного *ш* (часть Липец. у.), *що*—въ Кадомскомъ и Липецкомъ уѣздахъ ³⁾. О великорусскихъ говорахъ Воронежской губерніи мы тоже немного знаемъ: по отношенію къ согласнымъ звукамъ намъ извѣстно *г*—*у*, мягкость *ж*, твердость двойныхъ *ж* и *ш* въ Нижнедѣвицкомъ и Бобровскомъ уѣздахъ ⁴⁾.

Объ ажающихъ говорахъ прочихъ губерній, болѣе отдаленныхъ отъ Рязанской, мы знаемъ едвали еще не менѣе, чѣмъ о говорахъ, упомянутыхъ выше; но даже и говоры Московской губерніи по уѣздамъ намъ неизвѣстны, такъ какъ нѣтъ ихъ описанія ⁵⁾. Въ области согласныхъ звуковъ замѣтимъ слѣдующіе факты: *дж* вм. *ж*, *г*—*у*, *що* въ части Новгородсверскаго у. Черниговской губерніи; мѣну *ц* и *ч* въ Ардатовскомъ, Сергачскомъ и Лукояновскомъ уу. Нижегородской губерніи ⁶⁾, мѣну *ц* и *ч* въ Псковскомъ уѣздѣ Псков. губ., *д* и *т* съ свистающимъ отгѣнкомъ, *ц* вм. *ч*, твердое двойное *ш*—на югѣ Псковской губ.; *г*—*д*—въ Великолудцкомъ у. Псковской губерніи ⁷⁾.

---

¹⁾ «Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій». В. 1892.

²⁾ Соболев. *ib.* 19.

³⁾ Срв. у Дала *ib.* LXV: въ Темниковѣ *ж*—*к*, «у Кадома есть небольшой слѣдъ *ж*—*к*: прочь произносится почти какъ *ж*—*к*».

⁴⁾ Соболев. *ib.* 20. Срв. у Дала *ib.* LXIV—LXV: *Хвилитъ, куфня; Алдожа* (Нижнедѣвицкъ).

⁵⁾ Соболев. *ib.* Стр. 20—24.

⁶⁾ *Ляпунова*. О говорахъ Лукоянов. у. Нижегород. губ. Спб. 1894. См. приложенную въ концѣ карту. Соболевскій. *ib.* 22.

⁷⁾ Соболев. *ib.* 23—24.